

Небо ещё не посветлело, за оконными переплётами всё ещё клубился утренний туман цвета яичной скорлупы, как в спальню проник лёгкий, словно пух, голос дежурной служанки:

— Гэгэ, уже пять утра, пора вставать.

Шан Ханьчжи почувствовала себя марионеткой, на которую нажали кнопку: сознание ещё витало где-то в снах, но тело уже инстинктивно подчинилось, позволяя помочь себе сесть.

Дверная занавесь бесшумно приподнялась, и первой вошла пара строгих матушек. Матушка У, с лицом, которое в пору было назвать версией Про-Макс, пронзила Шан Ханьчжи взглядом, словно мощным прожектором, досконально изучая её осанку и цвет лица. Матушка Чжоу растянула губы в елейной улыбке, разыгрывая сцену нежной заботы, пока её глаза цепко выискивали под глазами девушки малейшие следы усталости.

Следом за ними, словно в карете, всплыла четвёрка кормилиц. Матушка Сунь вполголоса отдавала распоряжения младшим служанкам, требуя тщательно проверить благовония и масла. Матушка Бай, сохраняя невозмутимость, молча окинула взглядом комнату, контролируя весь процесс. Личные горничные Ваньюнь и Цайюнь действовали слаженно: тёплое полотенце тут же коснулось лица и шеи гэгэ, а их движения были нежными, как весенний ветер, ласкающий иву.

В душе Шан Ханьчжи бушевала буря: «Чёрт! Что это за снадобья такие? Лучше бы деньги потратили на игровые скины, ей-богу!»

Тело послушно приподнимало подбородок, а душа вопила: «Отпустите меня, я сама умоюсь!»

Перед туалетным столиком Ваньюнь открыла шкатулку из сандалового дерева с перламутровой инкрустацией. Роговой гребень скользил в её руках, расчёсывая длинные, до самой поясницы, чёрные волосы Шан Ханьчжи с такой лёгкостью, что позавидовал бы любой кондиционер. Заметив, что взгляд гэгэ сегодня блуждает, совсем не напоминая привычное самолюбование, она насторожилась, но улыбка на её лице стала лишь слаще:

— Гэгэ, подождите немного, сейчас заплету косы. Этот узор в виде водяной ряби как раз подойдёт к вашему сегодняшнему скромному наряду, будет очень свежо.

Окинув взглядом её платье из нежно-лилового шёлка с узором из переплетающихся лотосов, она безошибочно выбрала украшение для косы — подвеску с мелким жемчугом цвета морской волны. В то же время в основание косы была воткнута серебряная заколка с фениксом, чьи сапфировые глаза в утреннем свете таинственно мерцали. Это выглядело предельно сдержанно, но роскошь чувствовалась в каждой детали.

Когда причёска была готова, Цайюнь поднесла начищенное до блеска медное зеркало:

— Гэгэ, посмотрите?

Шан Ханьчжи, наконец, смогла повернуть затекшую шею и взглянула в зеркало.

На неё смотрела девушка с волосами чернее туши и кожей белее снега — никаких изъянов! Особенно глаза: даже в расслабленном состоянии они казались полными невысказанной грусти и скрытой страсти, настоящий идеал невинности и соблазна. Чистая, утончённая, гордая красавица!

Твою мать, это лицо! Оно даже круче, чем лимитированные персонажи, на которых я спустила кучу денег в игре! Эта внешность — настоящий чит-код... обалдеть!

На душе стало тошно. Чёрт, да с такой внешностью и моделью лица даже самый богатый игрок не смог бы создать такую красоту! А досталась она мне — всё равно что резать зелёный лук мечом для убийства драконов, сплошное расточительство! При одной мысли, что эта красота в будущем достанется Лунси, этому «хрупкому подростку», Шан Ханьчжи почувствовала, как сердце сжимается от досады.

Голос матушки Бай прозвучал как нельзя вовремя:

— Гэгэ, завтрак готов.

С этой невыносимой красотой и горечью от бездарно потраченных ресурсов, Шан Ханьчжи, тщательно упакованная, проследовала в западную комнату. Аромат горячей еды, смешанный с запахом сандала и османтуса, должен был манить, но у неё лишь тяжело сжимался желудок.

На восьмиугольном столе из сандалового дерева чего только не было: каша из риса чжэньчжу, крошечные молочные лепёшки, закуски из восьми сокровищ, маринованные утиные язычки, салат из медузы, суп из гнёзд...

Правила подачи еды были ещё утомительнее: матушка Бай следила за всем процессом, матушка У стояла рядом, контролируя каждое движение, а Луюнь под руководством матушки Сунь аккуратно раскладывала еду — в каждую тарелочку клали не больше пары кусочков, словно кормили кошку!

В голове Шан Ханьчжи бегущей строкой неслись мысли: «Молочные лепёшки? Микроскопические! Даже на один зуб не хватит! Суп из гнёзд? Чёрт, это же птичья слюна... Маринованные грецкие орехи ещё куда ни шло, утиные язычки — какая-то гадость, медуза — ещё можно проглотить...»

Она устала даже пробовать: стоило тарелке опустеть, как тут же приносили новую, порции всегда были кошачьими, никакого удовольствия!

Чжиюнь вовремя поднесла маленькую эмалевую чашечку:

— Гэгэ, свежее коровье молоко с миндалём и мёдом, подогрето для укрепления здоровья.

Шан Ханьчжи с тоской приняла чашку и выпила залпом, про себя рыча: «Укрепление! Какое к

чёрту укрепление! Мне бы сейчас тестостерона для бодрости!»

Этот роскошный, изысканный завтрак, растянувшийся почти на час, наконец завершился. Полоскание рта, мытьё рук, вытирание губ... снова бесконечная череда ритуалов под надзором матушки У.

У Шан Ханьчжи была только одна мысль:

«Эта проклятая жизнь феодальной аристократии... Господи, как же я хочу съесть блин с начинкой и двумя яйцами!!!»

<http://bllate.org/book/18814/1830154>